

Лидия Чарская

Девушка с кружкой

Лидия Чарская

Девушка с кружкой

«Public Domain»

1915

Чарская Л. А.

Девушка с кружкой / Л. А. Чарская — «Public Domain»,
1915

Вот уже несколько месяцев как Маня приехала из провинции и посещает драматические курсы. И с первого же дня своего водворения в Петрограде она трогательно и нежно влюблена в премьершу частного театра Киру Павловну Нельскую. Это какая-то особенная, какая то исключительная, наивная привязанность. Да и сама Маня кажется такой исключительно-трогательной и наивной с её широкими бархатными глазами Мадонны и с тонким, совсем детским, голоском...

© Чарская Л. А., 1915

© Public Domain, 1915

Лидия Алексеевна Чарская

Девушка с кружкой

Высокая, тонкая, с чуть тронутыми тушью веками, актриса Нельская сказала Мане:

– Не хотите ли помочь доброму делу, детка, участвовать в кружечном сборе в пользу семей запасных? Возьмите кружку, захватите двух ассистентов и ступайте с Богом прелесть моя; и детям наших героев помощь, и вам занятно.

Маня взглянула влюбленными глазами в тонкое смуглое лицо Нельской, в её бархатные, играющие глаза и, краснея до слез от восторга и смущения, поспешила выразить свое согласие.

– Хорошо, Кира Павловна. Я постараюсь, только...

– Без только... детка, без только. Да будет так. Теперь я вполне спокойна. С вашим трогательным личиком и глазами Мадонны вы одна нам целое состояние соберете. А теперь, пока до свидания. Спешу на репетицию безумно. А оттуда в лазарет. Занята адово.

И, звучно поцеловав воздух у бледного виска Мани, очаровательная Кира Павловна, приятно шелестя шелками, испарилась как дым за тяжелой портьерой. Ошеломленная, счастливая и сконфуженная Маня смотрела ей вслед своими огромными прекрасными глазами Мадонны.

Вот уже несколько месяцев как Маня приехала из провинции и посещает драматические курсы. И с первого же дня своего водворения в Петрограде она трогательно и нежно влюблена в премьершу частного театра Киру Павловну Нельскую. Это какая-то особенная, какая то исключительная, наивная привязанность. Да и сама Маня кажется такой исключительно-трогательной и наивной с её широкими бархатными глазами Мадонны и с тонким, совсем детским, голоском.

– Свирельная Маня! – определил ее как-то студент-путеец Серж Глушев, прозванный в свою очередь всем Маниным кружком «пером Англии». В Кире Павловне же Мане нравится все: и недюжинный талант, и эти грешные веки, и пунцовые страстные губы, и змеиная походка, и даже самый голос её, ставившийся в вину актрисе критикой, носовой, словно всегда простуженный голос...

И когда Маня, замирая от восторга, стоит в кулисах, жадно ловя каждое слово Нельской, брошенное со сцены, – ей кажется, что где-то высоко-высоко поет смуглый ангел, тоскуя на небе о грешных радостях земли.

* * *

Сначала все шло прекрасно.

Правда, было холодно. И с утра снежило. Ильковый воротник Сержа Глушева запудрило инеем, и его бритое, холеное бесстрастное лицо, типичное лицо англичанина, – хотя в жилах Сержа не было ни единой капли британской крови, – зарумянилось свежим молодым неровным румянцем. И маленький носик второго ассистента Шуры Никольского, университета, добросовестно дрогнувшего в его ветхом форменном пальтишке, покраснел на морозе как клюква.

Оба ассистента, и «пэр Англии» и Шура, старались быть корректными и менее чем когда либо смотрели волками друг на друга. Оба ассистента были безнадежно влюблены в Маню Соболеву и ревниво следили друг за другом, оспаривая один у другого те крохи невинного внимания, которым изредка баловала их Маня. А нынче как нарочно она, эта Маня, на взгляд обоих её «рыцарей» была обворожительна. Белая вязаная шапочка сидела легко,

как пушинка на темной головке. Бледные с тонкими голубыми жилками щеки разгорелись. Разгорелись и огромные, бархатные, глаза Мадонны.

А свирельный голос звонко певуче приговаривал каждые три-четыре минуты по адресу публики:

– Детям и женам наших героев. Семействам запасных пожертвуйте, господа. Кто сколько может, пожертвуйте.

И бархатные глаза и свирельный голос делали свое дело. Хорошенькая девушка с голубым щитом, сплошь уколотым алыми значками с коронками, то и дело откалывала от щита значок и прищипливала его к груди жертвующего. А в кружку, которую самоотверженно таскал через плечо Шура Никольский, падали серебряные и медные монеты, изредка рубли и пестрые бумажки ассигнации.

Глаза Мадонны улыбались. И невинные губки тоже. И рдело алым румянцем обычно бледное Манино лицо.

* * *

– «Бобры» показались на горизонте! Смелее, Марья Дмитриевна, – успел шепнуть Шура и для чего-то ухарски тряхнул кружкой.

Монеты тяжело звякнули, а свирельный голос снова пропел:

– Детям наших героев! Семьям запасных... Господа, пожертвуйте!

«Бобры» остановились. Высокий, плотный господин с изжитым лицом дегенерата, с чувственными губами и тяжелыми полуопущенными веками. Взглядом знатока, ценителя женской красоты, он окинул фигурку Мани.

– Хорошенькая. И очень!.. Весьма мила. Свеженькая, главное. И поужинать с такой весьма недурно, – говорил этот аспид.

И, вызвав на свои губы улыбку неотразимую, по его мнению, по адресу женщин, он подставил девушке свою широкую грудь, следя за движениями тоненьких пальчиков пресыщенными усталыми глазами вырожденца. Значок наколот. «Бобры» приподнимают изысканным жестом шляпу и опускают розовую десятирублевку в «каассу» Шуры. Потом незнакомый господин долго стоит на месте и немигающим тяжелым взором следит за удаляющейся изящной хрупкой фигуркой девушки.

– Десятинушку отвалил от избытка чувств, – с шутовской ужимкой шепчет Шура, как только «бобры» остаются позади сборщиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.